

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-26-32

## К ВОПРОСУ О ТЕКСТОИДАХ

**Боронин А.А.***Московский государственный областной университет  
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

**Аннотация.** В статье уточняется содержание понятия «текстоид». Определены основные признаки, характерные для текстоида как речевого феномена. Высказано онтологическое предположение о генезисе текстоидов. Важным методологическим моментом работы является изменение трактовки понятия дискурса, традиционно представляемой в виде диады «текст» – «дискурс». В настоящей статье данная диада трансформируется в трехкомпонентную формулу «текст» – «текстоид» – «дискурс». Выделен параметр «лакунизированность», присущий речевой коммуникации (и дискурсу).

**Ключевые слова:** текст, дискурс, текстоид, лакунизированность, лакуна.

## ON TEXTOIDS

**A. Boronin***Moscow State Regional University  
105005, Moscow, Radio street, 10A, Russian Federation*

**Abstract.** The article clarifies the concept of “textoid.” The main characteristics of the textoid as a speech phenomenon are pointed out. The explanation of ontological genesis of textoids is suggested. The main methodological issue of the paper is the change of the interpretation of the concept *discourse*, traditionally represented as a dyad “text” – “discourse”. In the present article, this dyad is transformed into a triple formula “text” – “textoid” – “discourse”. The parameter “lacunarity” is claimed to be inherent in speech communication and in discourse.

**Key words:** text, discourse, textoid, lacunarity, lacuna.

Если рассматривать понятийную триаду «текст – дискурс – речевая деятельность», то соотношение понятий текст и дискурс изучено более основательно, при этом множество нюансов, возникающих при соположении понятий *дискурс* и *речевая деятельность*, остаются непроясненными. Однако и «связка» *текст – дискурс* все еще актуальна для дальнейшей теоретической рефлексии. В настоящей работе предпринята попытка показать особый ракурс соотношения этих понятий посредством анализа особого явления – текстоидов.

Известно, что текст существует в линейно-непрерывном виде, тогда как дискурсу чужды линейность и непрерывность. Дискурс функционирует в своеобразном виде, как совокупность «мерцающих» точек. Исходная точка – точка зарождения дискурса – будто бы семантически расширяется благодаря актуаль-

ным в данный момент параметрам – тем показателям действительности, которые релевантны в коммуникативном плане. В момент семантического расширения дискурс уже существует внеточечно.

Утрата реального контекста (при этом саму реальность можно понимать как коммуникативно-значимую часть действительности) устраняет дискурсивный контекст, который исчезает, оставляя после себя лишь рудиментные следы в виде языковых или речевых клише, структурно-гибких заготовок для возможных новых текстов, каждая из которых – потенциальная точка роста дискурса.

Таким образом, одним из факторов, детерминирующих онтологию дискурса, является наличие особых единиц с незамкнутым смысловым контуром. Эти единицы могут быть непосредственными составляющими текста, как письменного, так и устного. Они в усеченном виде отображают отдельный, условно ограниченный момент действительности. Такие явления мы называем текстоидами, используя термин, с помощью которого обозначаются с трудом поддающиеся членению незавершенные единицы [6].

Как и слово терминоид, текстоид однороден словам гуманоид, коноид, астероид [8, с. 17]. На первый план, таким образом, выходит значение подобия чему-либо. Но это лишь первый – самый очевидный – семантический пласт термина текстоид, так как мы полагаем его ключевым в нашей лингвистической концепции, которая рассматривает соотношение текста и дискурса. Таким образом, этот термин содержит в себе указание на его соотнесенность с некой концепту-

альной, теоретической системой, что сближает его – на общесодержательном основании – с такими терминами, как префиксоид, аффиксоид, вербоид, дифтонгоид, морфоид, радикасоид, группоид [3, с. 26, 45, 56, 96, 205, 295, 309], жанроид, дискурсоид [4, с. 4, 6, 10, 11].

Создавая модель языковой компетенции, З.М. Шаляпина принимает за основу знак, взятый в совокупности его общих логико-семиотических свойств. Она указывает на три важнейших функции знака – номинативную, обобщающую и сегментирующую, или, по терминологии автора, функцию «членения» [9, с. 216]. Действительно, сегментация лежит в основе языковой системы, которая выражена ярусами «структурных представлений морфем – словоформ – словосочетаний – сверхфразовых единств – текстоподобных единиц и т.д.» [9, с. 219]. На наш взгляд, текстоиды и есть те самые «текстоподобные» единицы, которые реализуют, в первую очередь, сегментирующую знаковую функцию, при этом в определенной мере актуализируя и две другие упомянутые функции.

В текстоидах выражается реакция на определенный этап развития некой актуальной ситуации, коммуникативно-значимая реакция на положение дел в действительности (в том числе и реакция на положение дел в вымышленном мире, если текстоиды используются при непосредственной передаче слов персонажа в художественной прозе). При этом текстоиды в определенной мере стандартны, прецедентны, им присуща клишированность. Посредством текстоидов возможна эффективная передача коммуникативно-регулятивной информации:

– Приятно иметь дело с умным человеком. (Слова персонажа из художественного фильма «Груз без маркировки» (СССР, киностудия им. А. Довженко, 1984 г.))

Если трактовать речевой стиль как ситуативно-стереотипную коммуникативную-деятельностную манеру, детерминированную выбором участником речевого общения некоторых средств языка, а также «принципов их интеграции в речи, тексте» [5, с. 332], то приходится признать стабильность экспликации коммуникативно-релевантных индивидуально-личностных и социальных смыслов. И тот и другой аспект сопряжены в текстоиде как особой единице речи. Текстоиды могут иметь четкую отнесенность к конкретной политической эпохе:

*Я сейчас в милицию позвоню/ милицию вызову!* (устная реплика, индивидуально-личностная коммуникация)

*На аэродроме [его] встречали ... и другие официальные лица* (устойчивая модель определенного жанра информационного сообщения, письменный текст в газете либо текст, зачитываемый диктором телевидения или радио, социальная (массовая) коммуникация).

Формальные границы текстоидов, как несложно убедиться, далеки от определенности, в том время как семантический абрис довольно четок, причем первое обуславливает второе – экспликация текстоидов непосредственно определяется тем, что образ коллективной языковой личности становится предельно актуальным. Например, текстоид *Мы, чай, не графья*, по нашему мнению, представляет собой форму реализации конкретно-абстрактной семантико-синтаксической модели: «*Мы, чай, не + ...*», в которой

неизменна начальная часть, а остальное становится результатом довольно свободного словесного варьирования:

мы чай не... спим тут;  
сегодня родились;  
в бирюльки играем;  
лаптем щи хлебаем

и проч.

Это утверждение может стать гипотезой для проведения языкового эксперимента.

По всей вероятности, интерпретация текстоидов может быть связана с непродолжительным периодом когнитивного «озарения», когда индивид осознает некую содержательную полноту, воспринимает эту полноту как определенный атрибут жизни. Определяя такую интерпретацию синтезировано (хотя аналитическое, по фазное описание интерпретативного процесса, очевидно, тоже не исключается), мы в полном праве говорить о максимальном содержательно-коммуникативном напряжении со стороны реципиента, декодирующего текстоид. Такое содержательно-коммуникативное напряжение по своей сути гносеологически оптимистично, а порой и гедонистично (полнота осознания жизненного этюда метонимически ведёт к счастливому переживанию полноты жизни в целом), оно неразрывно связано с переживаниями, носящими эстетический характер.

Такое утверждение отчасти поясняет относительно нередкое употребление текстоидов в художественных текстах (по крайней мере, в художественной прозе). Помимо выполнения эстетической функции текстоиды упорядочивают линейный и – особенно – надлинейный информационные ряды (о терминах «линейный инфор-

мационный ряд» и «надлинейный информационный ряд» см. [2, особ. с. 236 – 245]). В частности, употребление текстоидов – примечательное качество стиля писателя Л.С. Петрушевской. Особенно ярко данное стилистическое свойство писательской манеры проявляется в её широко известных произведениях [10], опусах экспериментального жанра [11].

Крайне важным представляется вопрос о генезисе текстоидов. На него можно дать наиболее общий и предварительный ответ, опираясь на постулаты синергетики, которая исследует динамические нелинейные системы и полагает, что хаос имеет свою специфическую упорядоченную системность: в связи с этим, по отношению к речевой деятельности применимо определение динамичной нелинейной системы (об опыте синергетической интерпретации моделируемой речевой коммуникации см. в [1]).

Нам представляется, что одним из аспектов, связанных с хаотичностью речевой деятельности (и хаотичностью дискурса), является онтологический признак «лакунизированность» речевой деятельности (и дискурса). По-видимому, допустимо в некоторой степени уподоблять лауну ризоме – термину, заимствованному философом Ж. Делёзом и Ф. Гваттари из «ботаники и дендрологии, где он обозначает определённый характер разрастания и размножения естественных зелёных растений. <...> С древнегреческого ризома переводится как корневище. Особенностью здесь является то, что новый побег возникает там, где образуется почка. Вот травка под красивым названием мюленбекия, которая растет в горшочках на балконе или в

квартире, которую используют в ландшафтном дизайне и от которой мы хотим избавиться в огороде, как от сорняка, потому что она заполняет всё! Потому что есть корешок, не важно, разрастается он в земле или стелется над землёй, и по его ходу возникают новые побеги» (курсив – О.Т., подчеркнуто нами – А.Б.) [7, с. 13-14].

Однако ризоморфность речевой деятельности мы предпочитаем обозначать другими словами – «лакунизированность речевой коммуникации», поскольку проблема лакунизированности как параметра разнородных коммуникативных систем многократно обозначалась в отечественных и зарубежных изысканиях по кибернетике, семиотике, риторике, лексикологии, стилистике текста, когнитивной лингвистике, этнопсихолингвистике, переводоведению и др. Правда в лингвистике постановка этой проблемы словно растворяется в узкопрагматических интенциях исследователей, а сам термин употребляется не часто несмотря на выразительность его формы. При всем этом проблема лакунизированности все же довольно явно проступает во множестве языковедческих работ.

Лакунизированность речевой коммуникации проявляется как абстрактно-категориально, так и в конкретной фиксации – в виде единиц, отличающихся формальной и (или) содержательной неопределенностью, то есть в виде тех единиц, которые мы называем текстоидами. Так, в качестве текстоида допустимо рассматривать сочетание ... *a там посмотрим*. Это, бесспорно, не паремический оборот и не фразеологизм, но многие носители языка могут почувствовать и определенную устойчивость данного оборота

и определённую его «текучесть» в формально-содержательном плане. Прежде всего, в значении этой конструкции заложена идея неопределённости, вектор которой направлен в будущее. Ещё одно важное обстоятельство: данная конструкция позволяет близкосинонимические замены: можно трансформировать эту форму во «фразовый синоним» ... *а там разберемся* или в другой «фразовый синоним» – ... *а там видно будет*.

В качестве короткого заключения можно упомянуть следующее. Текстостойды – это особые словесные образования, свойства которых детерминированы речевой деятельностью как сверхсложной открытой динамической системой.

Они являются «срединными» единицами в том плане, что они сопрягают

в себе черты как текста, так и дискурса. Текстостойды – суть дискурс в движении, в становлении, при этом сама интерпретация текстостойдов есть дискурсивный процесс. Таким образом, все изложенное выше свидетельствует о возможности методологического поворота, связанного с переходом от диалекты «текст» - «дискурс» к триаде «текст» - «текстостойд» - «дискурс». Названный поворот предопределяется данными, полученными в разных направлениях общегуманитарных исследований, и, прежде всего, в синергетике и лакунологии.

Наконец, примечательно и то, что феномен текстостойда мало осознан лексикографами, а ведь словарь текстостойдов мог бы значительно повысить уровень дискурсивной компетентности изучающих иностранные языки.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Боронин А.А. Лингвосинергетические начала интерпретации персонажных субтекстов // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов Издание 7-е. М.: изд-во МГОУ, 2008. С. 26–33.
2. Боронин А.А. Интерпретация персонажных субтекстов: основы теории (на материале художественной прозы) . М.: Изд-во МГОУ, 2007. 349 с.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 436 с.
4. Рыжков М.С. Речевые стратегии участников электронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных интернет-чатов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 25 с.
5. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие. Киев: Брама, изд-во Вовчок О.Ю., 2004. 336 с.
6. Сиротинина О.Б. Тексты, текстостойды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994. С. 106–124.
7. Трунова О.В. Языковые категории: факты и артефакты // Язык. Культура. Речевое общение. Изд. 1-е. 2013. С. 11–18.
8. Хаяутин А.Д. О «терминах» и «терминоидах» // Тезисы докладов по романо-германской филологии. Самарканд, 1970. С. 16–17.
9. Шаляпина З.М. К проблеме моделирования языковой компетенции и языковой деятельности человека в рамках общей модели языковой действительности // Референция и проблемы текстообразования: сб. науч. трудов. М.: Наука, 1988. С. 214–232.

## ИСТОЧНИКИ:

10. Петрушевская Л. Дикие Животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи Бяты. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 402 с.
11. Петрушевская Л. Загадочные сказки. Стихи(хи)<sup>2</sup>. Пограничные сказки про котят. Поэмы. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 291 с.

## REFERENCES:

1. Boronin A.A. Lingvosinergeticheskie nachala interpretatsii personazhnykh subtekstov [Lingvosynergetic basis of interpreting character subtexts] // Problemy lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii. Sb. nauchn. tr. [Problems of linguistics and intercultural communication. Collected works]. 7th ed. M., izd-vo MGOU, 2008. pp. 26–33.
2. Boronin A.A. Interpretatsiya personazhnykh subtekstov: osnovy teorii (na materiale khudozhestvennoi prozy) [Interpretation of the character of subtexts: basic theory (on the material of prose)]. M., Izd-vo MGOU, 2007. 349 p.
3. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop. [Dictionary of linguistic terms. 5th ed., rev. and sup.]. Nazran, Pilgrim, 2010. 436 p.
4. Ryzhkov M.S. Rechevye strategii uchastnikov elektronnoho internet-diskursa (na materiale russko- i angloyazychnykh internet-chatov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Speech strategy of participants in electronic discourse (on the material of Russian and English Internet chats): abstract of PhD in Philology]. Voronezh, 2010. 25 p.
5. Selivanova E.A. Osnovy lingvisticheskoi teorii teksta i kommunikatsii / Monograficheskoe uchebnoe posobie [Fundamentals of linguistic theory of text and communication: monographic textbook]. Kiev, Brama, Izd-vo Vovchok O.YU., 2004. 336 p.
6. Sirotinina O.B. Teksty, tekstoidy, diskursy v zone razgovornoj rechi [Texts, textoids, discourses in the area of spoken language] // CHelovek. Tekst. Kul'tura [People. Text. Culture.]. Ekaterinburg, 1994. pp. 106–124.
7. Trunova O.V. Yazykovye kategorii: fakty i artefakty [Language categories: facts and artifacts] // YAzyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie. [Language. Culture. Verbal communication.]. 1st ed. 2013. pp. 11–18.
8. Khayutin A.D. O «terminakh» i «terminoidakh» [About "terms" and "terminoids"] // Tezisy dokladov po romano-germanskoj filologii [Abstracts of papers on Romano-Germanic Philology]. Samarkand, 1970. pp. 16–17.
9. Shalyapina Z.M. K probleme modelirovaniya yazykovoi kompetentsii i yazykovoi deyatel'nosti cheloveka v ramkakh obshchei modeli yazykovoi deistvitel'nosti [To the problem of modeling linguistic competence and linguistic activity of man in the overall model of linguistic reality] // Referentsiya i problemy tekstoobrazovaniya: sb. nauch. trudov [Reference and problems of the text-formation: collection of scientific papers]. M., Nauka, 1988. pp. 214–232.

## FICTION SOURCES:

10. Petrushevskaya L. Dikie Zhivotnye skazki. Morskie pomoinye rasskazy. Pus'ki Byatye [Wild Animal tales. Marine rubbish stories. Puski Batye]. SPb., Amfora. TID Amfora, 2008. 402 p.
11. Petrushevskaya L. Zagadochnye skazki. Stikhi(khi)<sup>2</sup>. Pogranichnye skazki pro kotyat. Poemy [Mysterious tales. Poems(sss)<sup>2</sup>. Frontier stories about kittens. Poems]. SPb., Amfora. TID Amfora, 2008. 291 p.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**

*Боронин Александр Анатольевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Московского государственного областного университета;  
e-mail: inloco@inbox.ru

**INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

*Boronin Alexander A.* – PhD of Philology, professor at the chair of theory and practice in English of Moscow State Regional University;  
e-mail: inloco@inbox.ru

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА**

*Боронин А.А.* К вопросу о текстоидах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. №2. С. 26–32.  
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-26-32

**BIBLIOGRAPHIC REFERENCE**

*Boronin A.* On textoids // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no 2. pp. 26–32.  
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-26-32